

ЖАНР РОЛЕВОГО ОТРЫВКА В ЛИРИКЕ Н.А. НЕКРАСОВА И ЕГО КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В статье ставится вопрос о выделении жанра отрывка среди ролевых стихотворений Н.А. Некрасова. Особое внимание уделяется композиционным особенностям жанра, которые рассматриваются на материале двух стихотворений. Показывается своеобразие отрывков Некрасова; устанавливается их связь с традицией предшественников.

Ключевые слова: жанр, жанр отрывка, композиция, Н.А. Некрасов.

Жанр отрывка был изучен и изложен в диссертационном исследовании Е.И. Зейферт «Жанр отрывка в русской поэзии первой трети XIX века» [1]. Данная работа послужила для нас основой при изучении жанра отрывка, но, поскольку вопросы композиции в ней не находились в центре внимания, мы, по существу, впервые анализировали композицию ролевых отрывков Некрасова. Наблюдения Е.И. Зейферт по поводу романтического отрывка были нами привлечены в качестве фона для некрасовских текстов. Кроме этого, мы использовали известные нам наблюдения литературоведов об отрывках отдельных поэтов: В.А. Жуковского (О.Б. Лебедева) [2], А.С. Пушкина (В.Б. Сандомирская [3], Н.Л. Степанов [4], В.А. Грехнев [5], К.Н. Григорьян [6]), М.Ю. Лермонтова (В.Э. Вацуро) [7].

Зейферт в своей работе упоминает лишь один отрывок Некрасова «Букинист и библиограф» (отрывок), в котором поэт дал указание на жанр в подзаголовке. Нами выявлены из Полного собрания сочинений и писем в 15-ти тт. еще четыре отрывка Некрасова: «Отрывок» («Родился я в губернии...»), «Детство» (*Неоконченные записки*)¹, «Отрывок» («Я сбросила мертвящие оковы...»), «Колизей» [8].

Анализируя композицию ролевого отрывка, мы использовали работы по композиции В.С. Баевского [9], Т.И. Сильман [10], В.Е. Холшевникова [11], Р.А. Евсеевой [12].

Композиция одного стихотворения нами уже была описана в работе «Колизей» Н.А. Некрасова в контексте традиции романтического отрывка» [13].

В данной статье мы продемонстрируем строение еще двух отрывков («Отрывок» («Родился я в губернии...»), «Детство» (*Неоконченные записки*), героями которых являются дети.

¹ Курсив Н.А. Некрасова.

Рассмотрим самый ранний «Отрывок» («Родился я в губернии...») (1844). Ролевым героем его является подросток, повествующий о своем детстве.

В.Е. Холшевников, В.С. Баевский считают, что в любом лирическом стихотворении можно выделить зачин. «<...> Если формальный зачин и отсутствует, если даже поэт выбирает форму отрывка, «продолжения», первые строки могут быть достаточно четким зачином» [12, с. 13]. Подобного мнения придерживается и исследовательница композиции Р.А. Евсеева. Действительно первые 4 строки начинают стихотворение. В 1-2-й строках вводятся главный герой («я») и место происходящих событий (далекая степная губерния), в 3-4-й – говорится о трудной и тяжелой жизни ребенка: «Родился я в губернии / Далекой и степной / И прямо встретил тернии / В юдоле сей земной <...>» [8, Т. 1, с. 419].

На наш взгляд, это и есть зачин. По мнению В.Е. Холшевникова, если в первых строках говорится о «главном герое, времени и месте действий», то следует говорить о «сюжетной экспозиции», характерной для эпического и прозаического произведения, если дается «эмоциональный ключ, настраивающий читателя так, как это нужно поэту», то уместнее говорить о зачине. В чистой лирике «<...> нет географических названий, нет и указания на то, когда происходит действие» [10, с. 39]. Как видим, у Некрасова в данном отрывке начальные строки выполняют роль и экспозиции (потому что в них сообщается место действия), и зачина, т. к. в нем дается эмоциональный настрой читателя на дальнейшее повествование. Тем самым Некрасов сразу в начале произведения прибегает к прозаизации лирики.

Основная часть отрывка представляет собой воспоминания героя о своем детстве, выдер-

жанные в прошедшем времени. По данным Е.И. Зейферт, для жанра отрывка одним из «источников вдохновения автора» является воспоминание (память) [1, с. 45]. Воспоминание в тексте имеет ряд синонимов: «будущность счастливая», «запомнил», «помню». Основная часть составляет 45 строк и делится многоточиями на 4 смысловых блока. Каждый блок содержит свою микротему: 1-й блок – «смерть отца», 2-й блок – «похороны», 3-й блок – «жизнь у дяди», 4-й блок – «решение дяди отправить ребенка «с рук долой», которое повлекло смерть матери». Многогранность микротем развивает заявленную в заглавие тему трудного детства. Связь между блоками «последовательная»; она маркируется вербальными и невербальными средствами. При такой связи микротема каждого блока продолжается в первых (1–4) строчках следующего блока. Так, микротема 1-го блока «смерть отца» переходит в начало 2-го блока «похороны»: <...> Запомнил я сердитую / Улыбку мертвеца / И мать мою, убитую / Кончиною отца <...>. Микротема 2-го блока «похороны» переходит в 3-й блок «жизнь у дяди» посредством рифмы: <...> Как сами мы лопатушкой / Сровняли бугорок <...>. 3-й блок: <...> Нам дядя с бедной матушкой / Дал в доме уголок <...>. Микротема 3-го блока «жизнь у дяди» продолжается в 4-м блоке «решение дяди отправить ребенка «с рук долой»: <...> К настойке страсть великую / Сей человек питал, / Имел наружность дикую / И мне не потакал <...>. 4-й блок: <...> Он часто, как страшилище, / Пугал меня собой <...>.

Е.И. Зейферт, изучая «Отрывки из поэмы «Воспоминания» Е.А. Баратынского, описывает подобный прием развития темы: «<...> автор в последующих блоках не сразу переходит к другой микротеме, а неизменно сохраняет инерцию предыдущей» [1, с. 26]. Многоточие, отделяющее микротемы, на наш взгляд, служит, с одной стороны, итогом микротемы, отграничивает один жизненный этап от другого, а с другой – является показателем непрерывности течения переживаемых героем событий. Мы, вслед за Зейферт, считаем, что графическая нерасчлененность подчеркивает цельность отрывка «как куска бытия» [1, с. 26].

Воспоминания и мечты в русском отрывке первой трети XIX века «тесно переплетены: мечты можно вспоминать, о былом можно мечтать» [1, с. 46].

У некрасовского героя мечты обрываются реалиями жизни: <...> Мне будущность счастливую / Отец приготовлял, / Но жизнь трудолюбивую / Сам в бедности скончал! <...>.

Исследования Е.И. Зейферт показали, что для жанра отрывка «память-мечта» – это «крылатая посланница небес», таинственно появляющаяся «безмолвной ночью» в «луче света», чтобы воодушевить «струны лиры (цевницы)», «свирель», «резец», «кисть» своего избранника. Память-мечта появляется в окружении цветов и осыпает ими путь творящего человека» [1, с. 46]. У Баратынского в «Отрывках из поэмы «Воспоминания» герой «мечтает о былом и вновь цветет душой», у Пушкина в отрывке «Осень» герой «сладко усыплен» своим «воображением». Ролевой герой Некрасова в данном отрывке не «улетает на крыльях» в небеса, не видит «заветных сновидений», он с болью вспоминает детство и вновь страдает: <...> Немытый, неприглаженный, / Бежал я босиком <...>, <...> Я слезы не притворные / Руками утирал <...>.

Персонажи, окружающие некрасовского героя, тоже страдают: отец жизнь «в бедности скончал»; мать «плакала, томилась», «в могилу перешла»; дядя «потосковал», «с неммым рыданием» «влепил поцалуй».

В начальных строчках 4-го блока говорится о том, что дядя «порешил в училище отправить с рук долой».

На наш взгляд, далее Некрасов применяет свой излюбленный прием, в нашей терминологии, «кажущейся концовки», который мы находили в эпиграммах [14] и элегиях [15]. После «якобы финальных» строк следуют еще 11 строк разросшейся концовки, синтаксически оформленной одним предложением: <...> Изрядно куликнул, / Дал мне благословение, / Полтинник в руку ткнул, / Влепил с неммым рыданием / В уста мне поцалуй: / «Учися с прилежанием, / Не шлейся! не балуй!» – / Сердечно, наставительно / Сказал в последний раз, / Махнул рукой решительно – / И кляча поплелась...

Разрастание концовки образовалось посредством подробного описания поведения дяди и введения его прямой речи. Появившийся мотив дороги, по нашему мнению, неслучаен. Зейферт отмечала: «<...> идею бесконечности авторы отрывков подают изображением земных и космических пространств, иногда в сочетании с мотивом дороги» [1, с. 75]. Мотив дороги, с

одной стороны, подключает отрывок Некрасова к большой русской традиции, с другой стороны, это не космические просторы, а реальная дорога, по которой «плетется кляча». Финальное многоточие, характерный графический признак жанра, оставляет тему жизненного пути героя открытой.

У Некрасова в основной части ролевой героини становится сиротой, в концовке дядя его выпроваживает из дома, следовательно, он одинок и не имеет крова. По данным Е.И. Зейферт, в русском отрывке героиня уединяется по своей воле, «местом для уединения могут служить «хижина», «чердак», <...> чаще поэт уединяется на природном пространстве» [1, с. 49]. Некрасовский герой вынужден «уединиться» на «природном пространстве». Для отрывка 1800-1830 гг. характерен оптимистический финал тематической композиции [1, с. 54]. В «Отрывке» («Родился я в губернии...») концовка трагическая. Можно предположить, что несчастья будут дальнейшими спутниками героя.

Итак, проекция наших данных на данные Е.И. Зейферт позволяет говорить, что Некрасов использует частое для отрывка повествование (воспоминание героя), блочное изложение темы с «последовательной» связью между блоками, мотив «дороги», означающий бесконечность художественного пространства, графическую нерасчлененность; в то же время преобразует жанр выбором «ролевого» героя (ребенок-сирота), введением социальной темы, трагическим финалом, приемом прозаизации (начальные строки выполняют роль экспозиции и зачина), разрастанием концовки.

Рассмотрим следующий отрывок – «Детство» (1873). Повествование в нем ведется от лица девочки, дочери священника. Спустя много лет она вспоминает «годы младенчества».

Отрывок состоит из двух частей, отделенных графическим пробелом и пронумерованных автором. I часть, в свою очередь, состоит из четырех тематических блоков, II часть – из пяти тематических блоков, разделенных графическими пробелами. Каждый блок заканчивается многоточием.

Зачин составляют первые 5 строк: «В первые годы младенчества / Помню я церковь убогую, / Стены ее деревянные, / Крышу неровную серую, / Мохом зеленым поросшую <...>» [8, т. 3, с. 119]. В этих строках сообщается о геро-

ине, которая вспоминает старую церковь. С 3–5-й строки мы находим детальное описание убогой церкви (стены, крыша).

После зачина следующие 17 строк образуют первый тематический блок, в котором героиня вспоминает о «толках» священника, отца девочки, с прихожанами по поводу «обновления» здания церкви и о не прекращавшихся службах. Здание церкви было для девочки прежде всего родным домом, так как отец был священником. Одновременно оно являлось храмом – местом для богослужения и воплощения высоких помыслов. Некрасов, таким образом, вводит антитезу «земное» – «неземное», свойственную отрывку.

Второй блок, посвященный «трещинам старого купола», занимает 13 строк. В последних 3-х строках блока лики святых сравниваются девочкой с родными людьми: <...> Словно в семью нашу мирную / Люди вошли незнакомые, / С мрачными, строгими лицами...<...>.

По мнению исследовательницы романтического отрывка, «развернутое сравнение «спадающего» типа» было закономерным для жанра отрывка и элегии» [1, с. 131]. Некрасов в данном случае использует сравнение при завершении тематического блока.

В третьем блоке на 7-ми строках описываются «непрочные окна» церкви. Четвертый блок, состоящий из 12 строк, начинается словами: «Помню я службу последнюю...». Далее ведется повествование о падении здания церкви. На этом I часть отрывка заканчивается.

Если I часть полностью написана в прошедшем времени, то первый тематический блок II части (первые 4,5 строки) обращены в настоящее: <...> Ближе к дороге красивая, / Новая церковь кирпичная / Гордо теперь возвышается / И заслоняет развалины / Старой <...>. «После описания новой церкви автор вновь переходит к повествованию о старом здании церкви в прошедшем времени: <...> Из ветхого здания / Взяли убранство убогое, / Вынесли утварь церковную / Но до остатков строения / Руки мирян не коснулись <...>». Для передачи трепетного отношения девочки Некрасов использует сравнение: «Словно больной, от которого / Врач отказался, оставлено / Времени старое здание /». Второй блок II части посвящен развалинам храма: <...> В землю вращая медлительно, / Эти остатки убогие / Преобразились в развалины / Странные, чудно красивые <...>. Эти

строки, на наш взгляд, перекликаются со строками «Отрывков из поэмы «Воспоминания» Баратынского: <...> Смотрите, как века незримо пролетая, / Твердыни древние и горы подавляя, / Бросая гроб на гроб, свергая храм на храм, / Остатки гордые являют Рима нам. / Великолепные, бессмертные громады! <...> Вечное движение времени, разрушение самого высокого символа красоты – храма рассматривается Баратынским философски. А.Е. Махов, давая определение фрагменту, считает, что «мода на руины, развалины; осознание самостоятельной художественной ценности фрагментов античной поэзии»² возникла вместе с предромантическим вкусом к эстетической незавершенности [16, 1152 стб.]. Фрагмент им понимается как стихотворный лирический жанр, что в нашей терминологии является «отрывком». У Некрасова традиция отрывка, безусловно, сохраняется, но, трансформируясь в его сознании, она приобретает новые очертания. Если у Баратынского «остатки гордые», «великолепные, бессмертные громады»; то у Некрасова «остатки убогие», «развалины странные, чудно красивые». Баратынский выбирает вселенский масштаб: «твердыни древние и горы подавляя, <...> свергая храм на храм», Некрасов описывает старую деревенскую церковь: «оставлено времени старое здание». Развалины храма в некрасовском тексте реальные. «Века» у Баратынского в «Отрывках...» означают длительную смену времен («текли в безвестности века и поколенья»), у Некрасова временное движение значительно короче («мое детство беспечное мирно летело»).

В третьем блоке говорится о березе, выросшей на крыше старой церкви. Последние строки блока занимает сравнение березы с девочкой: «Точно вчера только ставшая / На ноги резвая девочка, / Что уж сегодня вскарабкалась / На высоту, – и бестрепетно / Смотрит оттуда, с смеющимся, / Смелым и ласковым личиком...». Сравнение, завершающее тематический блок, мы уже находили в I части отрывка.

Четвертый блок повествует о новой жизни на развалинах: <...> Птицы носились там стаями, / Там стрекотали кузнечики, / Да деревенские мальчики, / И русокудрые девочки / Живмя там жили: по тропочкам / Между высокими травами / Бегали, звонко аукались, / Пели веселые песенки. / Там мое детство беспечное / Мирно летело <...>. Микротема четвертого блока пе-

реносит нас в «очарованное там» В.А. Жуковского. Приведем для сравнения строки из «Желания» Жуковского: «... Там поют согласны лиры; / Там обитель тишины; / Мчат ко мне оттоль зефиры / Благовония весны; / Там блестят плоды златые / На сенистых деревьях; / Там не слышны вихри злые / На пригорках, на лугах...». Там – традиционный (ср. «Путешественник», «Желание» и др.) символический образ в поэзии Жуковского, входящий в оппозицию «здесь» – «там», формирующую модель романтического двоемирия поэта. По мнению большинства исследователей (творчества Жуковского. – О.С.), образ этот, создающий противопоставление окружающей действительности неясной, туманной жизни в другом мире, имеет религиозно-мистический характер. У Некрасова, на наш взгляд, «там» означает долгую удаленность во времени и пространстве. Эмоциональный подъем отражен в 8 строках блока, представленных одним предложением. Из них первые 4,5 строки создают зрительную картину («птицы», «кузнечики», «деревенские мальчики», «русокудрые девочки»), следующие 3,5 – образуют звуковое оформление («бегали», «звонко аукались», «пели песенки»). В этом блоке с 10-й строки героиня рассказывает о случае, когда она провалилась в развалины.

Пятый блок начинается неполной строкой: <...> Объятая / Трепетом, я огляделась <...>. Взору девочки предстает брошенное пустое здание, в котором продолжается своя жизнь: «Ласточки смотрят из гнездышек, / Словно кивают головками, / А по стенам молчаливые, / Строгие лица угодников». Она видит лица угодников такими же, как и в I части отрывка, для нее они не изменились. Время оказалось не властным над святыми ликами. После осмотра интерьера развалин девочка переносится в мечты: <...> Чудилось мне: наполняется / Церковь опять прихожанами; / Голос отца престарелого, / Пение гимнов божественных, / Вздохи и шепот молитвенный / Слышались мне <...>. Несмотря на то, что церковь «преобразилась» в развалины, в воображении девочки она «оживает». В этом случае мы отмечаем «переплетение» памяти-мечты, характерное для отрывка первой трети XIX века.

Оклик детей «Параша! да где же ты?..» возвращает героиню к реальной жизни. Введение Некрасовым имени в стихотворение является признаком прозаизации лирики. В лирике, «как

правило, не только отсутствуют имена героев, но нет и указания на их возраст, профессию, внешность» [10, с. 39].

Концовка имеет оптимистическое завершение темы: <...> Я отозвалась; нахлынули / Дети гурьбой, – и наполнились / Звуками жизни развалины, / Где столько лет уж не слышались / Голос и шаг человеческий... В концовке храм «оживает» наяву. Оптимистический финал тематической композиции, как уже было установлено в романтическом отрывке, является характерным для жанра [1, с. 54]. Финальное многоточие означает вечное движение жизни.

Подведем итоги анализа отрывка «Детство». Некрасов следует традициям романтического отрывка, которые выражаются в построении повествования (воспоминания); «переплетении» памяти-мечты; обращении к теме «развалин» в сочетании с мотивом времени; введении антитезы «земное» – «неземное»; использовании «спадающих» сравнений; оптимистическом финальном завершении; финальном

многоточии. В то же время поэт обновляет жанр отрывка «уменьшением» масштаба изображаемого и временных рамок, снижением лексики («убогие», «вскарabalкалась», «суровый пахарь», «житейское горе»), введением приема прозаизации (имя девочки), использованием «спадающих» сравнений в конце тематических блоков, разрастанием основной части.

Проведенный анализ показал, что произведения Некрасова «Отрывок» («Родился я в губернии...»), «Детство» (*Неоконченные записки*) имеют признаки отрывка. Одновременно установленные черты сходства и различия отрывков Некрасова и отрывков Баратынского, Пушкина показывают своеобразие усвоения традиции предшественников Некрасовым: поэт усваивает мотивы традиционного жанра и в то же время их трансформирует. Учитывая аналогичные выводы, сделанные нами при анализе эпиграмм [14] и элегий Некрасова [15], можно утверждать, что подобная работа с жанровыми моделями была у поэта устойчивой.

Список использованной литературы:

1. Зейферт, Е.И. Жанр отрывка в русской поэзии первой трети XIX века / Е.И. Зейферт Дисс. на соиск. ... канд. филол. наук. – Алматы, 1998. – 204 с.
2. Лебедева, О.Б. Драматургические опыты Жуковского / О.Б. Лебедева. – Томск, 1992. – 206 с.
3. Сандомирская В.Б. «Отрывок» в поэзии Пушкина двадцатых годов / В.Б. Сандомирская // Пушкин. Исследования и материалы. Т. IX. – Л.: Наука, 1979. – С. 69-82
4. Степанов, Н.Л. Лирика Пушкина. Очерки и этюды / Н.Л. Степанов. – М.: Худож. лит., 1974. – 368 с.
5. Грехнев, В.А. Лирика Пушкина. О поэтике жанров / В.А. Грехнев. – Горький, 1985. – 238 с.
6. Григорьян, К.Н. Пушкинская элегия (национальные истоки, предшественники, эволюция) / К.Н. Григорьян. – Л.: Наука, 1990. – 257 с.
7. Вацуро, В.Э. Жанры / В.Э. Вацуро // Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. Мануйлов. – М.: Сов. энциклопедия, 1981. – С.160-161.
8. Некрасов, Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15-ти тт. Т.1-3/ Н.А. Некрасов. – Л.: Наука, 1981-1982.
9. Баевский, В.С. О композиции лирических стихотворений / В.С. Баевский // Жанр и композиция литературного произведения: межвуз. сб. – Калининград, 1974. – С. 22-23
10. Сильман, Т.И. Заметки о лирике / Т.И. Сильман. – Л.: Сов писатель, 1977. – 223с.
11. Холшевников, В.Е. Анализ композиции лирического стихотворения / В.Е. Холшевников // Анализ одного стихотворения. – Л., 1985/а/. – С.5 – 49.
12. Евсеева, Р.А. Поэтика композиции лирики В.А. Жуковского: дис. канд. филол. наук / Р.А. Евсеева. – Оренбург, 2003. – 223с.
13. Слонь, О.В. «Коллизей» Н.А. Некрасова в контексте традиции романтического отрывка/ О.В. Слонь // Художественный текст: варианты интерпретации: Труды XI Всероссийск. науч.-практ. конф: в 2-х ч. Ч.2. – Бийск: РИО БПГУ им. В.М. Шукшина, 2006. – С.203-207
14. Слонь, О.В. Эпиграммы Н.А. Некрасова: вопросы типологии и структуры / О.В. Слонь // Интеграция науки и практики в инновационных процессах современного общества. Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. – Берлин, Росток, Оренбург: Изд-во ИЭК, 2004. – С. 193-199
15. Слонь О.В. Элегические концовки Н.А. Некрасова / О.В. Слонь // Художественный текст: варианты интерпретации: Труды X межвузовской научно-практической конференции: В 2 частях. Ч. 2. – Бийск: РИО БПГУ им. В.М. Шукшина, 2005. – С. 128-131.
16. Махов, А.Е. Фрагмент / А.Е. Махов // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М.: Ителвак, 2001/6/. – 1152-1153 стб.

Slon O.V.

Genre of role extracts in lyrics of N.A. Nekrasov and his composition peculiarities

The question about detachment of extracts genre among role verses by N.A. Nekrasov is regarded in this article. The special attention is given to composition peculiarities of genre which are regarded on the materials of two verses. The author shows originality of extracts by Nekrasov; determines their connection with traditions of predecessors.

Key words: genre, extracts genre, composition, N.A. Nekrasov.

Сведения об авторе: Слонь Ольга Васильевна, и.о. доцента кафедры теории и методики начального и дошкольного образования Оренбургского государственного педагогического университета, кандидат филол. наук. Тел.: 89226272637, e-mail: olgslon@mail.ru